

Таисия Останина
Кирбинское городище на р. Меше

В 1983 г. при обследовании р. Меше, правого притока р. Камы, разведывательный отряд Удмуртской археологической экспедиции под руководством В.А.-Семенова открыл городище около с. Кирби Лаишевского района ТАССР (ныне Республика Татарстан), которое было им датировано I тыс. н.э.¹ В целях исследования памятников послепьяноборского времени археологическая экспедиция Удмуртского республиканского музея (ныне Национальный музей УР) решила провести на данном памятнике рекогносцировочные раскопки. Работы были проведены под руководством автора данной статьи в июле 1987 г.²

Кирбинское городище располагается в 0,2 км к юго-западу от с. Кирби, на правом берегу р. Меше, на втором мысу от села в сторону д. Караишево. У подошвы мыса жители ежегодно проводят татарский национальный праздник «Сабантуй». В 0,1 км к северо-востоку от городища находится старица, а в 2,0 км к востоку – русло р. Меше.

Городище занимает невысокий (13 м) языковидной формы мыс, площадью 1052 кв. м, защищенный с напольной стороны рвом, а с мысовой – рвом и валом (рис. 1). Площадка древнего поселения возвышается над дном первого рва на 4–5 м. Длина мысового вала и рва 3,4 м. Поверхность городища хорошо задернована, его площадка имеет форму ступни (рис. 1), относительно ровной у напольного рва и имеющая перепад более 272 см к востоку и к северу. Склоны в древности были более покатые, но в результате деятельности человека были искусственно приподняты, судя по стратиграфии участков линий АБ, частично В на 120–145 см – на южном склоне, на 60–90 см – на юго-восточном, и на 165 см – на западной части площадки, у рва (рис. 4).

Раскоп был заложен от начала напольного рва, в юго-западной части мыса, вдоль южного и северо-западного склонов. Вскрыто больше половины площади (686 кв. м.; 65 %). Раскопки производились участками 2х2 м в ширину трех линий (6 м), что облегчало фиксацию обнаруженных сооружений. Вскрытие культурного слоя производилось горизонтами в 6, 15, 10 см и т. д. Стратиграфия напластований на большей части раскопа была проста: дерн (5–6 см), гумус (12–30 см), глина – материковый слой. Следует отметить, что мощность слоя гумуса в 15–20 см на большей части участков преобладает. В северной и северо-западной частях раскопа подстилающим слоем были песок или песок с глиной. Участки, находящиеся по краям площадки, в первую очередь по линии А, Б, В, кроме дерна и гумуса, имели следующие нижележащие слои: гумус с вкраплением песка, прокаленной глины, угля (10–90 см), гумус с вкраплением песка (20–60 см), светло-серая супесь с вкраплением песка (10–100 см). Судя по их составу, они образовались вследствие специального наноса земли для увеличения и подъема площадки городища, а также сброса сюда хозяйственного мусора (от чистки очагов). Возможно, для укрепления южного склона ис-

пользовали прокаленную глину. Ее скопление толщиной 20–60 см зафиксировано на уч. АБ/1–4. В отличие от плотной массы прокала очагов, здесь она рыхлая, принесенная извне. Анализируя стратиграфию крайних участков раскопа, расположенных на склонах мыса, а также наличие или отсутствие находок, можно предположить следующий процесс укрепления склонов. Вначале на участках АБВ/1–8 была насыпана светло-серая супесь с песком или слой гумуса с песком толщиной до 100 см (рис. 4). Слой светло-серой супеси с песком фиксируется и на нижних горизонтах 1–2 крайних участках раскопа, прилегающих с северо-запада ко рву, хотя здесь толщина слоя меньше (до 75 см). Следует отметить, что ниже 3–5 горизонтов указанных участков отсутствуют находки. Возможно предположить, что грунт был взят при рытье рва, а подсыпка сделана первыми поселенцами городища – ананьинскими племенами. Уже в ходе их жизнедеятельности (3–5 горизонты) происходит наброс хозяйственного мусора, в т. ч. костей, фрагментов керамики. В это же время интенсивно заполняются мусором участки в юго-восточной части раскопа (уч. АБВ/9–16; ГД/15–16). В результате на южном и юго-западном склоне мыса мощность культурного слоя достигла 150 см, тогда как в большей части городища равнялась 20–30 см. Археологические работы позволили зафиксировать очертания 28 ям от столбов и кольев, 14 очагов и одной хозяйственной ямы (рис. 2; 4).

Характеристика обнаруженных объектов. Все очаги имеют простую конструкцию: подушка разной степени прокаленной глины округлой (7 сл.), подпрямоугольной (4 сл.) или близкой к ней овальной (3 сл.) формы*. Лишь 2 очага (IX, XII), кроме того, с одной стороны глиняной подушки имеют околоочажную впадину (пятно?) ромбовидной или подпрямоугольной формы. На фоне слоя гумуса они выделяются лишь вкраплением кусочков обожженной глины и угля (очаг IX) или вкраплением глины (очаг XII). Толщина смешанного грунта соответственно 10; 3–5 см.

В разрезе очаги Кирбинского городища имели линзовидную (6 см) или полулинзовидную (8 см) форму. Анализируя характеристику очагов, можно выделить следующие моменты.

1. Большинство очагов (93 %) имеют малые размеры (25–55x37–80 см), лишь очаг X выделяется бóльшими показателями – 80x112 см.

2. Малая мощность прокаленной глины очагов (2–10 см). Чаще всего она содержит в себе примесь гумуса. Прокал неравномерный, слабый. Следы сильного прокала в виде ярко-оранжевого цвета глины (8–10 см) зафиксированы лишь у очагов V, IX, X (21,4 %). Все они расположены в северо-восточной части мыса, на его склоне.

3. Очаги располагаются вдоль южного и юго-восточного края мыса, наиболее открытого со стороны р. Меши.

4. Крупные по размерам и сложные по конструкции очаги (V, IX, X, XII) фиксируются в восточной части городища – уже на склоне мыса, защищенные

* Местонахождение очага, уровень фиксации, форма, размеры, толщина прокаленной глины и ее характеристика вынесены в таблицу 1.

с запада от ветра его площадкой. Это было самое благоприятное место для разжигания костра и поддержания огня.

5. Все очаги зафиксированы на уровне материкового слоя или едва выше его на глубине 2–3 горизонтов.

На фоне подстилающего слоя песка и глины найдены очертания хозяйственной ямы (уч. М/9–10) подпрямоугольной формы размером 73x95 см. Она имела простую конструкцию (наклонные стенки, уплощенное дно) и заполнена гумусом с фрагментами глиняной посуды именьковской культуры (5 экз.) и обожженными костями. Ее глубина 20 см. Она служила для сбора хозяйственного мусора, возможно, имела естественное происхождение.

Анализ конструкции, размеров, глубины обнаруженных при раскопках 28 столбовых ям дает возможность определить характер их использования. Ямки диаметром 18–33 см (1 сл. – 45 см) принадлежат столбам (опр. 13 сл.), остальные оставлены от кольев. Последние ямки имеют малый диаметр (5–15 см), а в разрезе – коническую или прямоугольную форму. В первом случае кол был заострен для лучшего забивания, во втором случае – кол для закрепления приваливался лишь землей (ямки № 1, 12, 17, 18). Следует отметить, что при раскопках найдена лишь нижняя часть ямок на уровне подстилающего слоя (кроме ямки № 1 – в культурном слое), поэтому их глубина небольшая (от 6 до 28 см; только ямка № 21 – 55 см). На участках Е/13–14; И/9–10 зафиксированы пятна выхода погребенной почвы (светло-серая супесь с песком, без находок), которые можно отнести к впадинам естественного характера.

Описание вещевого материала. Находок вещей обнаружено сравнительно мало и они составляют в основном орудия труда или их заготовки из железа (5 экз.), кости (8 экз.), глины (26 экз.) и камня (15 экз.), а также обломок втулки наконечника копья (рис. 5, 14).

Ножи по своей конструкции и размерам типичны для I тыс. н.э.: клинок с прямым обухом и брусковидный черешок. Найдены 3 ножа полной формы (рис. 5, 6–8) и обломок клинка (рис. 5, 12). На черешке остались фрагменты дерева от рукояти, для закрепления которой имелись уступчики как со стороны лезвия, так и обушка ножа. Длина клинков равнялась 7,5 см (рис. 5, 6), 9,0 см (рис. 5, 7) и 11,2 см (рис. 5, 8). Все эти признаки позволяют отнести ножи к разряду универсальных, широко использовавшихся в хозяйственной деятельности человека. Все они обнаружены в культурном слое первого и второго горизонтов.

Наковальня (рис. 5, 10) имеет форму усеченной пирамиды квадратного сечения со слегка выпуклой верхней (рабочей) площадкой. Ее размеры 26x31 мм, а высота головки – 50 мм. Обычный для данного вида предметов хвостовик круглого сечения, предназначенный для крепления в деревянное основание, отсутствует. От него осталось лишь небольшое углубление диаметром 8 мм. Аналогичной конструкции и размерами наковальня найдена В.Ф.Генингом в 5 погребении Суворовского могильника³. Весь комплекс вещей, обнаруженный в берестяном туеске, в т. ч. молоточек, трактуется им как ювелирный, принадлежащий женщине-литейщице. Фун-

кционально также определяется набор предметов в 33 погребении V Рождественского могильника П.Н.Старостиным и С.В.Кузьминых⁴ (погребение литейщицы). Обнаружена подобная наковальня на городище Зимно пражско-корчаковской культуры (V–VII вв.) наряду с зубилом и железным молотком⁵.

На наш взгляд, наковаленка может иметь отношение не только к металлургии и кузнечному ремеслу, но и к инструментам для отбивки кос. Подобной конструкции и таких же малых размеров предметы входят в состав музейных этнографических коллекций под названием «наковальная металлическая», «бабка», «бабочка» и «наковаленка»⁶. В «Товарном словаре» промышленной продукции середины 1950-х годов дается такая же характеристика, что и в нашем случае, «бабки косоотбойной» для отбойки (расплющивания) режущей кромки кос⁷, которая выпускается в комплекте со специальными косоотбойными молотками. В этнографической коллекции Российского этнографического музея он называется «косный молоток», «отбой», «собачка» и представляет собой с одной стороны сплошной квадратный, а с другой – сплошной клиновидный боек⁸. Размеры косоотбойного молотка незначительные (ширина бойка 25 мм, длина молотка 120 мм). Их конструкция, размеры соответствуют ювелирным молоткам азелинской культуры, входящих в погребальный инвентарь вышеназванных погребений. Ширина рабочей части наковаленки с Кирбинского городища соответствует ширине бойка молоточка из азелинских могильников (26 мм) и ширине кос-горбуш этой культуры.

Пряслица (12 экз.). Найдено 4 экземпляра полной формы и 8 в виде обломков. Форма сечения дает возможность выделить 5 типов пряслиц.

Тип 1. Биконические (опр. 3 экз.) диаметром по тулову 3,5; 3,3 см при высоте 2,5 см (рис. 6, 6, 10). Соответственно диаметр канала равен 0,9 и 0,6 см. Выполнены из глиняного теста с примесью мелкого шамота или шамота с песком. Средняя часть одного пряслица украшена двумя рядами ямочных наколов и рядом ломаной линии ямок (рис. 6, 6).

Тип 2. Шарообразное пряслице (1 экз., рис. 6, 5), диаметр по тулову 3,0 см, а канала 0,6 см. Изготовлен из глины с примесью мелкого шамота и песка.

Тип 3. Усеченно-биконические (2 экз.), диаметром по тулову 4,9 см и высоте 2,3 (рис. 6, 14) и 1,5 см (рис. 6, 4). Диаметр канала соответственно равен 1,2 см и 1,0 см. Изготовлены из глины с примесью мелкого шамота и песка.

Тип 4. Цилиндрические, имеющие в сечении прямоугольник с округленными углами (5 обл.). Выполнены они из глины с примесью мелкого песка и шамота (3 экз., рис. 6, 3) или из известняка (2 экз., рис. 6, 1, 2). Они имеют высоту в пределах 1,1–1,4 см. У одного пряслица определен диаметр по тулову (3,1 см) и его канал (0,7 см). Каменное пряслице орнаментировано фигурами из косых насечек (рис. 6, 2).

Тип 5. Усеченно-коническое (один обломок, рис. 6, 9) пряслице выполнено из головки трубчатой кости, имеющую рыхлую структуру. Его диаметр равен 4,8 см, высота – 2,2 см, диаметр канала – 1,2 см.

Пряслица 1–3, частично 4 типа, изготовленные из глины с примесью мелкого шамота и песка, характерны для памятников именьковской археологической куль-

туры⁹. Кроме того, пряслица первых трех типов имеют широкие аналогии в вещевых комплексах памятников I тыс. н.э. к востоку от Вислы до Днестра и Буга, – пшеворской, липецкой, киевской, черняховской, пражско-корчаковской культур. Наиболее популярны пряслица шарообразной (тип 2) и биконической (тип 1) формы были на памятниках пражско-корчаковской культуры, где, как правило, они имели ямочный орнамент, что мы и наблюдаем на Кирбинском городище (рис. 6, 6)¹⁰. Следует отметить, что почти весь выделенный нами типологический комплекс фиксируется прежде всего на памятниках черняховской культуры (II–IV, V вв.), тогда как на памятниках киевской культуры – наибольшее распространение имели усеченно-биконические («уплощенно-биконические») пряслица¹¹. В местной финно-угорской среде наибольшей популярностью пользовался 4 тип (цилиндрические) пряслиц. Изготавливали их из глины с примесью битой раковины, песка, органики, а также из камня и кости. Обломки двух каменных пряслиц по характеру орнамента, материалу изготовления, форме можно отнести к ананьинской культуре. В системе оформления пряслиц этой культуры было популярно изображение солнца в виде диска (канал-отверстие) с лучами. Лучи солнца делались древними мастерами тонкими резными линиями¹². В нашем случае солнечные лучи представлены «пучками» косо поставленных линий (рис. 6, 2).

Коллекция изделий из кости небольшая (8 предметов).

Проколки выполнены из малых берцовых костей молодых свиней (4 экз., рис. 5, 1–4)*, для удобства практического использования подправленные рукой человека. Так, рабочая часть (острие) немного срезана, заострена и имеет следы лощения. Одна проколка снабжена круглым отверстием для подвешивания (рис. 5, 2). Размеры проколки в пределах 7,2–9,2 см. Подобные проколки найдены на Маклашеевском II городище имениковской культуры¹³. Из отростков рогов лосей (козули? благородного оленя?) выполнены 2 предмета, назначение которых пока трудно определить. Один отросток рога лося длиной 6,2 см обработан ножом, поверхность и торцовая площадка заглажены (рис. 5, 13). В средней его части имеется круглое сквозное отверстие. Возможно, предмет мог служить для растирания мелких веществ (красок, травы). Точно такой же формы и длины отросток рога из Конецгорского селища опубликован А.В.Збруевой, но только без отверстия сбоку. Этот предмет исследовательница отнесла к группе рукояток¹⁴. Другой, более длинный конец рога лося известен в литературе по ананьинской культуре как наконечник мотыжки¹⁵ или наконечник палки-копалки¹⁶. Конической формы орудие труда длиной 11,7 см в более широкой части имеет втулку – отверстие для крепления рукояти диаметром 1,5 см. Кроме того, оно снабжено двумя сквозными отверстиями (рис. 5, 9). Поверхность хорошо залощена, в верхней части имеется небольшой выступ, украшенный насечками. В средней части – грубо вырезанное ножом углубление. Выступ, втулка, углубление, сквозные отверстия входили в систему крепления костяного предмета к дереву (рукояти?). В

* Автор приносит искреннюю благодарность к.б.н. Э.В.Алексеевой за определение вида животных, из костей которых выполнен вещевой комплекс городища.

отличие от опубликованных в литературе подобных предметов, этот наконечник выполнен не из пустотелой кости и его рабочая часть не заострена, но явно видны следы ударов. Наконечник вряд ли служил сельскохозяйственным орудием, но мог быть предназначен для обработки материала, требующего меньшей силы удара.

В коллекции имеется еще один предмет, выполненный из естественной формы подъязычной кости коровы (рис. 5, 5). Древний мастер лишь незначительно укоротил кость и сделал лощение поверхности. На одном конце подъязычной кости – отверстие для подвешивания, другом – своеобразная лопаточка для обработки шкуры (?), кожи (?), ткани (?). С обеих сторон лопаточки сохранились царапины, идущие вдоль кости. Это довольно редкая находка на памятниках Прикамья. Она могла служить в качестве гладилки при шитье одежды, обуви. Хотя на памятниках археологии ананьинской культуры были известны гладилки других форм и размеров. Все описанные костяные предметы найдены в основном в культурном слое 3–4, реже – 2 горизонтов. Со второго горизонта происходит кусок рога лося длиной 13 см, имеющий на конце следы среза. Он мог служить заготовкой для изготовления костяных предметов, в производстве которых ананьинцы добились высокого уровня мастерства.

Тигли найдены в основном в обломках (13 экз.) и только 3 полной формы. Нами выделено 3 типа тиглей

Тип 1. Чашеобразные (2 экз. полной формы и 9 обломков, рис. 6, 11, 13, 16, 17). Цилиндрической формы невысокие сосудики, имеющие сбоку слив. Размеры сохранившихся тиглей следующие: 7,5x6,2 см при высоте 3,3 см (рис. 6, 17), 5,2x4,4 см при высоте 2,6 см (рис. 6, 13). У ряда обломков можно определить высоту тиглей (2,6; 2,8; 2,8; 4,6 см). Изготовлены чаши из глины с примесью органики. Они имеют толстые стенки и дно. На их внутренней поверхности сохранились следы плавления, нагара и капли меди.

Тип 2. Конусовидные (опр. 4 экз.: 1 – полная форма, 2 фрагмента дна и 1 венчик). Конической формы сосудики сделаны из глины с песком или мелким шамотом. Внешняя, а в одном случае внутренняя, поверхность ошлакована. Размеры сохранившегося тигля: диаметр венчика 5,1 см, высота – 5,5 см (рис. 6, 15).

Тип 3. Рюмкообразные (опр. 1 экз., рис. 6, 12). Сохранилась нижняя часть тигля. Диаметр дна около 3,2 см. Изготовлен из глины с мелким шамотом, ошлакована лишь внешняя поверхность.

Тигли 1 типа имели широкое распространение на поселениях ананьинской культуры (Аргыжское, Усть-Нечкинское, I Зуево-Ключевское, Каменоложское, Буйское, Гремячий Ключ, Ройское и т. д. городища)¹⁷. Тигли 2 и 3 типов встречаются на довольно большой территории на памятниках I – начала II тыс. н.э., прежде всего именьковской культуры¹⁸.

К бронзолитейному производству относится и обломок льячки-чашечки с ручкой (рис. 6, 8). Следов нагара, плавки не наблюдается. Возможно, это был бракованный экземпляр. Обычно ручка имеет втулку, в данном случае она приплюснута. Льячки подобной формы редки на поселениях как ананьинской, так и имень-

ковской культуры¹⁹. Из предметов бронзолитейного дела найден лишь обломок медной бляшки сферической формы (рис. 5, 11). Ее диаметр – 1,8 см. Из-за ее фрагментарности систему крепления трудно определить (ушко? заклепка?).

Из предметов, связанных с черной металлургией найдено немного: 23 куса шлака, из них 6 с высоким содержанием железа (современные металлурги называют подобные образцы «обогащенной рудой»). Наибольшая длина куса достигает 10,7 см, но в основном преобладают мелкие кусочки шлака размером в несколько см. Во 2 горизонте найдена верхняя часть сосуда с цилиндрическим горлом и с очень толстым черепком (2,1 см). На внутренней поверхности – следы ошлаковки от высокой температуры. Диаметр сосуда 18 см. Возможно, он использовался для цементирования металла. На внешней поверхности обнаружены отпечатки большого числа зерен. По определению к.б.н. А.В.Туганаева это были зерна овса (*Avena Sativa*).

Коллекция предметов *из камня* состоит из двух групп: желваки, отщепы, сколы и часть нуклеуса (рис. 7); обломки зернотерок, жернова, песты-терочники.

Кремневые желваки (3 экз.) имеют размеры 8x10,5 см (рис. 7, 8), 8,8x11,5 см (рис. 7, 6), 5,4x8 см (рис. 7, 5). В последнем случае это был обломок верхней части – корочки. На желваках видны следы грубой обработки (фасетки) и сработанные выступающие края. Цвет кремня серый и молочный. Отщепы сделаны с желвачной корочки (2 экз.) или серого (1 экз.) и темно-серого (2 экз.) кремня.

Из известняка выполнены нижние плиты зернотерок, от которых осталось 2 обломка их торцовой (рис. 7, 11) и средней (рис. 7, 9) частей. Они имели типичную для памятников Прикамья эпохи раннего железного века овальную форму с плоской едва выпуклой или вогнутой рабочей площадкой. Один обломок подпрямоугольного сечения имел высоту 5 см (рис. 7, 11), другой, овального сечения – 2,9 см. Зернотерки для растирания зерна были популярны в ананьинскую эпоху²⁰. Из песчанистого известняка выполнен край жернова (рис. 7, 10). Рабочая площадка – плоская, сработана к центру. Его толщина – 4,5 см.

Не ясно назначение крупных галек-валунов (4 экз.). Об их применении возможно лишь предполагать. Бесформенные 2 куса наибольшим размером 7,5–9,0 см имели 1 или 2 ровные отполированные площадки (рис. 7, 2, 3). Они могли служить в качестве точильных брусков или пестов-терочников. Третий кусок гальки-валуна грубо обработан и имеет шарообразную форму (4,5x5,5 см). Выступающие на поверхности края сбиты. Их структура обычна для камня после удара и движения по твердому материалу. Уп্লонно-овальной формы четвертая галька-валун с одного торца оббита, а на широкой площадке – неглубокая (0,5 см) выемка размером 5,6x4,4 см (рис. 7, 4), отчего получалась своеобразная «ступа» для растирания краски? сажи?

Характеристика керамических комплексов. В период раскопок Кирбинского городища было зафиксировано 2862 фрагмента керамики и только 190 экземпляров были собраны. Форма сосудов, состав глиняного теста, орнаментация позволили выделить 3 группы-комплекса сосудов.

Керамический комплекс ананьинской культуры обнаружен в культурном слое на уровне 2–8 горизонтов, чаще всего на 2–3–4: 25 фрагментов венчиков, 3 фрагмента шеек, 2 фрагмента плечика. Это лепные сосуды, имеющие костровой обжиг. Цвет их поверхности неравномерный, наблюдается разнообразие оттенков (серый, темно-серый, светло-коричневый, охровый). Есть следы нагара как на внутренней, так и на внешней поверхности (12 сл.). В состав глиняного теста входит битая раковина, только в двух случаях – песок. Поверхность сосудов обработана щепой с последующим заглаживанием тряпкой, кожей. Лишь на семи сосудах видны следы щепы. Лощение зафиксировано на одном фрагменте.

Большая часть коллекции ананьинской посуды орнаментирована (67,5 %). Узор наносился по шейке (опр. 10 сл.) или по шейке и плечу (опр. 6 сл.). Техника нанесения узора типична для посуды ананьинской культуры Нижней Камы: вдавление (13 экз., 43,3 %), зубчатый штамп (11 экз., 36,7 %), отгибки шнура (6 экз., 20,0 %). Вдавления имели круглую (рис. 8, 2, 6), квадратную (рис. 10, 7), овальную (рис. 8, 1; 10, 6) форму. На месте вдавления круглых ямок с внутренней стороны сосудов имеются «жемчужины» (сферической формы возвышения). Лишь на одном фрагменте, где ямки были неглубокие, «жемчужины» отсутствовали (рис. 9, 1). Поясок из круглых, реже квадратных и овальных ямок находился в основании шейки сосудов (7 сл.). Вдавления только овальной, клиновидной формы наносились по всей поверхности шейки сосуда и имели узор в виде бессистемно расположенных ямок (рис. 9, 2), 2-х (рис. 8, 2) или 5 рядов ямок (рис. 8, 4). У семи сосудов орнамент, выполненный в вышеописанной технике, сочетался со шнуровой (4 сл.), гребенчатой (3 сл.). Зубчатый штамп наносился или по шейке (5 сл.), или по плечу (5 сл.) сосудов. В единственном случае – и по шейке, и по плечу (рис. 8, 6). Узоры просты: один ряд (3 сл., рис. 9, 6) или 2 ряда наклонных (3 сл., рис. 9, 3) отгибков-столбиков, 4–5 сплошных горизонтальных поясков (2 сл., рис. 10, 4, 5), 3–4 ряда горизонтальных ломаных линий («шагающая» гребенка, 3 сл., рис. 10, 7). Кроме того, в трех случаях имелись насечки зубчатого штампа по краю венчика (рис. 8, 6; 9, 3, 4). На одном сосуде, украшенном зубчатым штампом, зафиксировано 2 ряда парных сквозных круглых ямок, расположенных вдоль трещин (рис. 9, 6). Они имели чисто утилитарное назначение – для скрепления сосуда с целью его дальнейшего использования (для хранения сухих продуктов). Кстати, данный сосуд имел наибольшие размеры (диаметр по венчику 42 см).

Шнуровой узор довольно однообразен. Это прежде всего разряженные горизонтальные линии, небрежно нанесенные по шейке сосуда. Число таких линий зафиксировано 3 (рис. 9, 1), 4 (рис. 10, 6), 5 (рис. 9, 2). В основании обломка венчика, имеющего следы лощения, что было характерно для керамики Среднего Прикамья, едва заметны следы строенных горизонтальных шнуровых линий (рис. 10, 2). Подобный орнаментальный элемент, как считает исследователь ананьинских памятников В.Н.Марков, был характерен для памятников Нижней Камы только на позднем этапе существования этой культуры (VI в. до н.э.)²¹.

Из других видов узора, выполненных в шнуровой технике, следует отметить венчик, украшенный «сеткой» (перекрещенные полосы, рис. 10, 3), а также плечико сосуда с рядом «подковок» (рис. 9, 1). Последний элемент узора входил в сложную композицию из горизонтальных шнуровых оттисков и пояска круглых ямок. Сосуды, не имеющие орнамента (13 экз.), представлены плотными черепками толщиной 6–8 мм (горшковидные) или 3–4 мм (чашевидные). В двух случаях имелись сквозные ямки для скрепления сосуда.

По оформлению края сосуда выделяются венчики, имеющие плоскую (18 экз., 72,0 %) или округлую (7 экз., 28 %) форму. Плоские края венчиков чаще всего имеют «наплыв», образовавшийся при их выравнивании и небрежной обработке сосудов (10 сл.). Он создает своеобразное утолщение (Г-образное, Т-образное) верхней части венчика. Форма сосудов дает возможность выделить 2 типа посуды (горшковидная и чашевидная). Для горшковидных сосудов (86,2 %) характерно шаровидное тулово, невысокие вертикальные или слегка отогнутые шейки. Исключение составляют лишь 2 сосуда, имеющие короткую, резко отогнутую наружу шейку (рис. 9, 2).

Плечики сосудов данного типа имеют слабую и среднюю выпуклость. Горшки в большинстве своем имеют средние и большие размеры, лишь 4 сосуда малых размеров. Все они имеют следы нагара с внутренней стороны. Сосуды же второго типа (чашеобразные, 4 экз., 13,8 %) очень малых размеров (диаметр по венчику 9,0–12,0 см, по тулову – 10,0–12,5 см). Толщина стенок 3–5 мм. Они имеют короткую цилиндрическую с едва заметным наклоном наружу шейку (2 экз., рис. 8, 6). У двух чаш шейка отсутствует (закрытые чаши, рис. 8, 3, 5). Только фрагмент одной чаши орнаментирован ямочно-гребенчатым штампом (рис. 8, 6), другой снабжен сквозной круглой ямкой утилитарного назначения (рис. 8, 5). Три сосуда – со следами нагара внутри. Сосуда второго типа найдены на глубине 2–3 горизонтов.

Итак, ананьинская керамика, представленная 21 % всех фрагментов собранной керамической коллекции Кирбинского городища, имеет следующие отличительные признаки. Все сосуды выполнены в технике ленточного налепа, в составе глиняного теста господствует примесь битой раковины. Поверхность сосудов хорошо заглажена мягким материалом, но не до лощения. Формы сосудов горшковидная, находки чаш единичны. Большинство сосудов имеет орнамент (67,5 %), выполненный в технике вдавлений, зубчатой и шнуровой. Преобладает узор, выполненный в виде рядов оттисков ямок по шейке и плечу (43,3 %). Зубчатым и шнуровым штампом в основном нанесены горизонтальные линии по шейке и плечу. Незначительное число сосудов имеет смешанную технику. Орнаментальные узоры расположены по шейке, реже – плечу (37,5 %).

Исходя из разработанной В.Н.Марковым периодизации и хронологии памятников ананьинского времени в приустьевой части Камы, керамический комплекс Кирбинского городища можно отнести ко второму хронологическому периоду (VII в. до н.э.)²².

Выделяется группа лепных сосудов, культурную принадлежность которой трудно определить (17 венчиков). Это горшковидной формы сосуды, в составе глиняного теста которых битая раковина. Обжиг костровой, цвет поверхности серый, темно-серый и охровый (1 сл.). Черепки плотные толщиной 4–6 и 6–8 мм. Как внутренняя, так и внешняя стороны сосудов хорошо заглажены тряпкой или кожей. Все они имеют слабо выраженный профиль (шейки слабо отогнуты, плечики высокие, но слабовыпуклые). Форма края венчиков сосудов плоская (9 сл.), округлая (4 сл.) или заостренная (4 сл.). При плоской форме края зафиксировано 6 случаев «наплыва». Они в основном имеют средние размеры (20–24,5 см – по венчику; 19–24 см – по шейке; 21,5–24,0 см – по тулову; опр. 7 экз.), лишь 1 сосуд диаметром по венчику 27,0 см. Орнамент отсутствует, только на одном фрагменте – сквозная ямка на шейке утилитарного назначения.

Все обломки сосудов группы обнаружены в верхнем слое городища на уровне 1–2 горизонта (1 сл. – 3 горизонт). Подобного типа керамику, обнаруженную на памятниках ананьинского времени В.Н.Марков относит к азелинской культуре (Антоновское городище, городище Гремячий Ключ)²³, хотя имеется небольшое отличие «кирбинской» посуды. Здесь отсутствует ребро с внутренней стороны на месте перехода от шейки к плечу, столь характерное для азелинской керамики.

Анализируя керамические комплексы археологических культур Камско-Вятского междуречья, с подобными признаками посуду можно найти на поселениях пьяноборской, мазунинской и азелинской культур. Более точная археологическая принадлежность данной группы керамики при отсутствии орнамента и сопутствующего вещевого материала затруднена, поэтому ее можно отнести к азелинской культуре условно.

Третья группа. Именьковская керамика. Собран 131 фрагмент венчиков (116 экз.), дна и придонной части (13 экз.), тулова со следами оплавления (2 экз.). Вся посуда изготовлена вручную, формовка проходила на плоской твердой основе присыпанной песком. В состав глиняного теста входят шамот с песком. По размерам примеси встречаются сосуды с мелким (118 сл.) и крупным (13 сл.) шамотом. Следует отметить, что при двухкомпонентности примесей в глиняном тесте наблюдается преобладание в нем или шамота, или песка. Толщина стенок сосудов варьируется от 3 до 10 мм, хотя большинство сосудов толщиной 4–7 мм (110 экз., 77 %). Их внешняя и внутренняя поверхность хорошо заглажена мягким предметом. Только в пяти случаях зафиксированы следы щепы как с внешней, так и с внутренней стороны сосуда и, как правило, в его придонной части (3 сл.). В придонной части трех сосудов видны отпечатки пальцев – следы поправки формы сосуда.

Керамика именьковской культуры обработана аккуратно, поверхность ее гладкая, хотя следов лощения не наблюдается. Сосуды с подобной характеристикой стенок исследователь памятников именьковской культуры П.Н.Старостин относит к группе Б, которые, на его взгляд, на поселениях представлены всегда в меньшем объеме, чем сосуды с неровными бугристыми стенками²⁴.

Обжиг посуды был костровой, отсюда цвет поверхности неодинаковый (черный, темно-серый, серый, светло-коричневый, охровый), но преобладают темно-серый, светло-коричневый оттенки. Черепок у сосудов всегда плотный.

После формовки малая часть сосудов орнаментировалась (14 экз., 12,1 %). Узор наносился лишь на край венчика (насечки) или по шейке сосуда. Орнаментальные узоры состоят из ряда круглых (в одном случае – четырехугольных) ямок по шейке (7 экз., 50 %), или наколов концом палочки разной формы по краю венчика (7 экз., 50 %). На 12 сосудах имеются сквозные круглые ямки (10,3 %), иногда входящие в орнаментальный узор. Обычно они располагаются в верхней части сосуда на уровне основания шейки. Как считает П.Н.Старостин, сквозные ямки использовались для подвешивания сосудов или для предотвращения хранения запасов от затхлости²⁵.

Форма венчиков, шеек, придонной части и дна характеризуют сосуды как плоскодонные горшки (110 экз., 94,8 %) или чаши (опр. 6 экз., 5,2 %). Край венчиков трех форм: плоская (51,8 %), округлая (42,2 %) и заостренная (6 %). Первые две формы в 12 случаях имели «наплыв» с одной или с двух сторон, отчего венчик имел Г-образную и Т-образную форму. Расширение края венчика произошло от небрежности изготовления сосуда, у которого древний мастер «поленился» убрать глину, образовавшуюся в результате среза (плоский край) или выравнивания (овальный край) верха сосудов. Хотелось бы отметить, что плоская форма края была характерна для толстых сосудов или же сосудов, имеющих насечки. Обе формы края венчика (плоская и овальная) очень близки друг другу, в ряде случаев могли сосуществовать по краю одного горшка. Все зависело от наличия времени для изготовления сосудов и их функционального назначения. Крупные сосуды для хранения продуктов чаще всего имели плоскую форму края венчика и «наплывы». Сосуды с заостренными краями венчика имели короткую шейку, стенки обычно тонкие (3–6 мм). Черепок плотный, поверхность тщательно обработана. В глиняном тесте всегда примесь песка и мелкий шамот, причем последнего компонента всегда в меньшем количестве. Размеры сосудов довольно разнообразны – от мелких до больших, но больше всего сосудов средних и больших размеров (80 %).

Профиль шейки и тулова свидетельствуют, что сосуды были слабо и средне-профилированными со слабовыпуклым туловом, хотя выделяется 5 сосудов, имеющих резкий переход от шейки к плечикам, отчего диаметр тулова располагается примерно на $\frac{2}{3}$ общей высоты сосуда. Судя по аналогичным коллекциям керамики из других памятников именьковской культуры (V Бальмерское поселение, I Именьковское городище, II Маклашеевское городище и т. д.) данные 5 сосудов должны иметь придонную часть в виде усеченного конуса, а днище небольшого диаметра. У 10 днищ с Кирбинского городища, где определен диаметр, он варьируется от 8 до 14 см, из них 7 сосудов – 10–12 см. Толщина дна была больше толщины стенок и находилась в пределах 8–11 мм. Этот тип сосудов П.Н.Старостин относит ко II отделу²⁶, хотя основную массу сосудов городища можно отне-

сти к I отделу по классификации данного исследования (слабопрофилированные сосуды, где небольшой диаметр тулова находится на $\frac{1}{2}$ высоты сосуда).

Находки фрагментов сосудов именьковской культуры зафиксированы в верхнем слое городища, чаще всего на уровне второго горизонта, реже – первого и третьего (только в южной части раскопа). Таким образом, для керамического комплекса именьковской культуры Кирбинского городища были присущи следующие характерные черты. Большинство сосудов имеют хорошо обработанные гладкие стенки. В состав глиняного теста входят песок с мелким шамотом. Почти полное отсутствие орнамента на сосудах, бедность орнаментальных узоров, где господствует техника насечки по краю венчика и ямочных вдавлений по шейке. Преобладают плоскодонные горшковидные сосуды средних и больших размеров. Наибольший диаметр тулова этих сосудов приходится на $\frac{1}{2}$ высоты. Совокупность этих признаков определяет своеобразие Кирбинского городища – самого северного памятника именьковской культуры.

В керамической коллекции обнаружены фрагменты двух венчиков сосудов эпохи бронзы (рис. 10, 1). В состав глиняного теста одного сосуда входит растительность, отсюда черепок по своей структуре рыхлый, поверхность неровная, с щербинами. На охровой поверхности едва видны оттиски мелкозубчатого штампа. Другой фрагмент венчика более плотный, в глиняном тесте – примесь песка. Он украшен наклонными резными отрезками (рис. 10, 1). Подобный прием орнаментации, состав теста наблюдается в керамических комплексах многих памятников эпохи бронзы Прикамья²⁷.

В процессе раскопок Кирбинского городища было зафиксировано 2711 костей, из них 678 (26 %) на уровне 4–9 горизонтов, оставленных населением ананьинской общности. Большая часть костей обнаружена в верхнем слое городища (2–3 горизонты, 20–30 см от современной поверхности), где найдены в основном находки азелинской (?), именьковской культур. Изучение «кухонных остатков» дает возможность судить о хозяйственной деятельности населения в древности. Значительное место в хозяйстве населения, проживавшего на р. Меше, судя по палеозоологическому материалу, занимало разведение домашних животных (91,7 % всех костей; 74,2 % всей особей)*. Анализ 352 определенных О.Г.Богаткиной костей (13 % от всех обнаруженных костей) дал следующий состав стада домашних животных. Большинство костей принадлежит свиньям (40,6 %), лошадям (33,5 %), крупному рогатому скоту (24,4 %). Незначительная часть костей оставлена мелким рогатым скотом (1,5 %). Подобное процентное соотношение видов животных в разные хронологические периоды (ананьинское время, эпоха раннего средневековья) на Кирбинском городище почти не меняется. Следует лишь отметить, что данная позиция наблюдается в верхнем слое городища (1–3 горизонты) только по числу особей, при этом по количеству костей на первое место «выходит» лошадь. Единственной особенностью состава стада ананьинского времени является отсутствие мелкого

* Автор приносит искреннюю благодарность к.б.н. О.Г.Богаткиной за определение костей животных Кирбинского городища.

рогатого скота (горизонты 4–9), которому не уделяется должного внимания и в азелинско-именьковское время (горизонты 1–3).

Анализ соотношения количества костей и особей верхних и нижних горизонтов выявляет интересные факты. В ананьинское время на одну особь приходится 3–4 кости, а в раннем средневековье – 9–10. Это можно объяснить лишь тем, что в ранний период освоения мыса городища сюда приносили лишь часть (куски) животного, а в азелинско-именьковское время животных убивали и поедали полностью на площадке городища. Хотя не исключены и другие возможные варианты этого явления.

Состав диких животных был довольно разнообразен (лось, медведь, кабан, бобр, заяц, лисица), хотя число особей составляет единицы (1–5). Охота в жизни древних коллективов не играла существенной роли (8,3 % костей; 25,8 % особей). Судя по видам диких животных, она была направлена на получение дополнительных запасов мясных продуктов. Шкуры медведя, бобра и зайца использовались для шитья теплой одежды, а лося, кабана – для изготовления обуви. К наиболее ценным видам пушнины относится только одна особь лисицы. Следует отметить, что большая часть костей диких животных обнаружена в 1–3 горизонтах (81,3 % костей; 76,5 % особей). Здесь были найдены кости всех перечисленных выше видов животных, тогда как в нижних горизонтах (ананьинская культура) – только медведя, кабана и бобра, находки которых составляли 18,8 % от общего числа костей диких животных городища.

Остеологический материал Кирбинского городища, оставленный домашними животными ананьинского периода, типичен для памятников подзоны широколиственных лесов, более южных к лесостепью районов Поволжья. Там по данным исследований А.Г.Петренко основными продуктами питания являлись свинья и лошадь. Причем процентные показатели по числу особей свидетельствуют, что свиноводство в этих районах представляется важнейшей отраслью хозяйства²⁸. Своеобразием остеологического материала Кирбинского городища является полное отсутствие костей пушного зверя в ананьинское время, в то время как на поселениях Нижней Камы они составляли довольно большой процент (например, на Гремячинском городище – 70 %)²⁹. Это связано, на наш взгляд, с функциональным использованием городища (культовый комплекс, наблюдательный пункт).

«Кухонные остатки» Кирбинского городища именьковского времени также соответствуют находкам на памятниках этого региона, где главное место занимали особи свиней (I Троицко-Урайское городище – 30,8 %; поселение Курган – 37 %), затем лошадей, крупного рогатого скота³⁰. А.Г.Петренко отмечает своеобразие стада именьковской культуры – увеличение особей мелкого рогатого скота по сравнению с предшествующими культурами, в т.ч. ананьинской. Это явление наблюдается в остеологическом материале Кирбинского городища, но не в такой контрастной форме, как в поселениях Самарской Луки. Если в нашем случае особи мелкого рогатого скота составляли 6,7 %, то в материалах Муромского селища – 28,6 %, Выползовского селища – 43,5 %³¹.

Планиграфия, обнаруженных на городище объектов, их стратиграфия, характер находок вещей и керамических комплексов дали возможность определить функциональное назначение Кирбинского городища. Малые размеры городища, большие перепады высот площадки исключали возможность строительства жилых построек. На наш взгляд, в западной половине городища находился культовый комплекс, в центре которого стоял самый толстый столб (диаметр 45 см, № 13), возможно, идол. С южной, восточной и северной стороны его окружали столбы (№ 17, 24, 28, 15, 6) и очаги, имеющие слабый проквал (очаги VIII, VI, II, XIV, XIII). Все эти объекты, за исключением столба № 28, относительно центрального столба (№ 13) располагались на расстоянии 4,5–7 м. Диаметр культового сооружения около 15 м. Очаги находились в материке или в культурном слое (после снятия 2 горизонта) с находками именковской культуры. Анализ насыщенности находками на ограниченной очагами и столбами площадки свидетельствует об их почти полном отсутствии, особенно к югу от столба-идола. Лишь на участках с указанными объектами встречается по 1–9 фрагментов керамики и 1–5 костей (на уч. Г/6 – кости были обожжены). На участках, находящихся за пределами культового сооружения в верхнем слое число находок керамики и костей доходило до 30. Возможно, отсутствие находок связано с запретом посещения центральной части священного места населением именковской культуры. Судя по направлению линий, соединяющих центральный столб-идол (?) с указанными очагами и столбами по линии воображаемой окружности, площадка городища могла служить «хронометром» для определением фаз движения Луны и Солнца. Геодезические азимуты были подсчитаны от точки севера (N) или точки юга (S) для северной широты 55° 45', на которой расположено Кирбинское городище*. Наблюдатель (жрец) находился в центре «хронометрической» системы (столб № 13). Через центральный столб можно отметить следующие направления (рис. 3):

1. Точка восхода Высокой Луны (ВЛ): столбы 13, 24.
2. Точка восхода Солнца (22 июня): столбы 13, 28.
3. Точка восхода Солнца (1 сентября): столбы 13, 15.
4. Точка восхода Солнца (8–9 октября): столб 13 – очаг VI
5. Точка восхода Низкой Луны (НЛ): столб 13 – очаг II.
6. Точка юга: столб 13 – очаг XIV.
7. Точка захода Низкой Луны (НЛ): столбы 13, 8–9 – очаг XIII.
8. Точка захода Солнца (6–8 июня?): столб 13 – очаг VIII.

Указывающие с помощью столбов и очагов направления связаны прежде всего с отправлением календарных земледельческих праздников, которые проходили в июне (месяц летнего зноя, молений, солнцеворота, обращений к солнцу и воде). Это прежде всего Ярилин день (6–8 июня), хотя празднование его по

* Астрономическая интерпретация ориентации археологических объектов – меток выполнена д.физ.-мат.н. Б.П.Кондратьевым, пользуясь случаем, автор приносит искреннюю благодарность.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>

данным этнографии приходится на 4 июня, и праздник Ивана Купалы. Последний праздник во время господства язычества у славян считался одним из главных. В день летнего солнцестояния, в разгар лета, разжигались костры от «живого огня» (добывается трением) на берегах рек и на вершинах гор (в нашем случае ими могли быть очаги III, V, X, XII). День Ивана Купалы является общеславянским аграрным праздником, связанный прежде всего с плодородием, молениями о дожде и рождении новых колосьев. По этнографическим данным болгар, в этот день обязательной принадлежностью участников был глиняный сосуд со священными травами, который разбивался ударом жезла в конце обряда³². С земледельческими работами связан и день 1 сентября (линия 3). В конце августа и начале сентября крестьяне завершали уборку ярового хлеба и ржи, конец которой сопровождался проведением обрядов-праздников в честь богини жатвы³³. Кроме того, 1 сентября было началом нового года («нового лета»). Затруднение составляет определение назначения точки восхода солнца 8–9 октября. Возможно, эти дни имеют поминальное значение и определяется широким распространением культа предков у древнего населения.

Большое количество остеологического (в основном домашних животных) и керамического материала указывает на исполнение жертвоприношений на остальной поверхности городища, к югу и востоку от «хронометра». Исследуя подобные сооружения на славянских памятниках лесной зоны в Днепровском бассейне, М.Г.Гусаков определил их функциональное назначение – городища-святилища³⁴. Выделенные им признаки этого типа городищ в общих чертах наблюдаются на Кирбинском городище, а именно: мыс небольшой площади расположен вблизи водной артерии (старица р. Меши), с поверхности открывается прекрасный вид на горизонт, не закрытый никакими внешними преградами (широкая пойма реки). Площадка культовых городищ небольших размеров от 14 до 40 м, в нашем случае ширина мыса – 17 м. Укрепленные сооружения невелики, гребень вала располагается ниже поверхности культовой площадки (вал находится на конце мыса и едва возвышается). Эскарпированные склоны, глубокий ров с напольной стороны и вал со стороны конца мыса не позволяли нарушать «святое» место, особенно домашними и дикими животными. На относительно ровной площадке «кирбинцы» соорудили «хронометр», центром которого являлся столб-идол (?), за пределами открытого «храма» жители округа под руководством жреца производили ритуальные действия – коллективные моления языческим богам о дожде, свете, урожае.

На наш взгляд, выделяется ряд объектов, не связанных с культовой площадкой, оставленных, возможно, азелинским населением. Это расположенные в восточной части раскопа (на склоне мыса) две пары очагов (очаги X–XI; VII–IX). Они выделяются ярким прокалом, относительно большей мощностью глины. Около них обнаружены очертания столбовых ям – остатков конструкций, защищающих костер от ветра и дождя. Это были щиты из веток, жердей длиной до 2,5 м, поставленных под углом (ямки № 22–25–21; 16–20 – следы ямки

на уч. 3/13) друг другу и в качестве навеса. Около очагов VII, IX в культурном слое найдены наковаленка, куски шлака (6 экз.), обломки тиглей (2 экз.), а очагов X, XI – обломок зернотерки, фрагмент тигля (1 экз.). Данные комплексы были связаны с металлообработкой как железа, так и цветного металла. Подобному же назначению служила яма 1 (уч. М/9–10), имеющая в заполнении рыхлый гумус, около которой обнаружены куски шлака (уч. Л/11; М/9), тигель (тип 2) и его обломки, обожженные кости.

Очаги, расположенные по южному и юго-восточному склону мыса (IV, I, III, V, X (?), XII) могли служить не только для приготовления пищи, но и как место подачи сигнальных знаков – костров. Именно в этой части мыса они были наиболее хорошо видны по всей пойме р. Меши.

Итак, площадка Кирбинского городища, судя по найденному в период раскопок материалу, неоднократно посещалась и использовалась древним населением. К эпохе бронзы относятся очень немногочисленные находки (фр. керамики, куски-желваки кремня и отщепы). Больше оставлено материала населением ананьинской культурой общности (нижнекамский вариант): комплекс ананьинской керамики VII в. до н.э., изделия из костей, тигли первого типа, каменные пряслица 4-го типа. Именно этим населением были сооружены древние укрепления (ров, вал (?), эскарпированные склоны). К именьковскому времени относится большее число находок керамики и вещевого материала. В это время (V–VII вв. н.э.) площадка мыса служила городищем-святилищем. В это же время (?) или немного ранее (IV–V вв. н.э.) на южном, северном и юго-восточном склонах люди занимались обработкой как цветного, так и черного металла. Кроме того, мыс мог служить опорным сигнальным пунктом раннесредневекового населения (азелинские (?) племена).

Примечания:

- ¹ Семенов В. А. Отчет второго отряда УАЭ о разведке в Лаишевском и Пестречинском районах ТАССР и раскопках Тольевского могильника (за 1983 г.) / НОА УИИЯЛ УрО РАН. Рф. № 635. С. 7–8; Семенов В. А., Останина Т. И. Обследование р. Меши // АО–1983 г. М., 1985. С. 172.
- ² Останина Т. И. Отчет об археологических работах Удмуртского республиканского краеведческого музея, проведенных летом 1987 г. // Архив НМУР. Д. 901, л. 17–34.
- ³ Генинг В. Ф. Азелинская культура III–V вв. // ВАУ. Вып. 5. Ижевск; Свердловск, 1963. С. 111, рис. XVII–6.
- ⁴ Старостин П. Н., Кузьминых С. В. Погребение литейщицы из пятого Рождественского могильника // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 168–172.
- ⁵ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 23.
- ⁶ Шангина И. И. Русские сельскохозяйственные орудия XIX–XX вв. Каталог коллекций. Л., 1981. С. 37.
- ⁷ Товарный словарь. Т. 1. М., 1956. С. 259.
- ⁸ Шангина И. И. Русские сельскохозяйственные орудия. С. 38.
- ⁹ Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. Д 1–32. М., 1967. С. 21.

- ¹⁰ *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. Рис. 3, 4–6.
- ¹¹ Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. // Археология СССР. М., 1993. Рис. XLII–45, 47. С. 113.
- ¹² *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. Вып. 30. М., 1952. С. 131. Рис. XXV–5–8.
- ¹³ *Старостин П. Н.* Памятники именьковской культуры... Табл. 8–15.
- ¹⁴ *Збруева А. В.* История населения Прикамья... Табл. XLIX–10.
- ¹⁵ Там же. С. 45. Табл. VIII–5.
- ¹⁶ *Голдина Р. Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. С. 193.
- ¹⁷ *Голдина Р. Д.* Древняя и средневековая история... Рис. 94, 16; *Збруева А. В.* История населения Прикамья... С. 56. Табл. XI–1; LI–1.
- ¹⁸ *Старостин П. Н.* Памятники именьковской культуры... Табл. 23, 5, 6.
- ¹⁹ *Збруева А. В.* История населения Прикамья... Табл. XI–4.
- ²⁰ Там же. С. 46. Табл. VIII–9.
- ²¹ *Марков В. Н.* Антоновское городище (о поздней дате существования «текстильной» керамики на памятниках Казанского Поволжья и Усть-Камы) // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1992. С. 102.
- ²² *Марков В. Н.* Периодизация и хронология памятников ананьинского времени приустьевой части Камы // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992. С. 72–79.
- ²³ Там же. С. 100; *Марков В. Н.* Городище Гремячий Ключ // Древности Среднего Прикамья. Йошкар-Ола, 1987. С. 119.
- ²⁴ *Старостин П. Н.* Памятники именьковской культуры... С. 18.
- ²⁵ Там же. С. 19.
- ²⁶ Там же. С. 19.
- ²⁷ *Аишхмина Л. И., Генинг В. Ф.* Стоянки эпохи бронзы в Удмуртском Прикамье // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977. С. 33–138.
- ²⁸ *Петренко А. Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984. С. 129.
- ²⁹ Там же. С. 127.
- ³⁰ Там же. С. 132.
- ³¹ Там же. С. 133.
- ³² *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 679.
- ³³ *Забьлин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1990. С. 90–93.
- ³⁴ *Гусаков М. Г.* Днепровские городища – святилища лесной полосы (Опыт археоастрономии) // Практика и теория археологических исследований. М., 2001. С. 132–148.

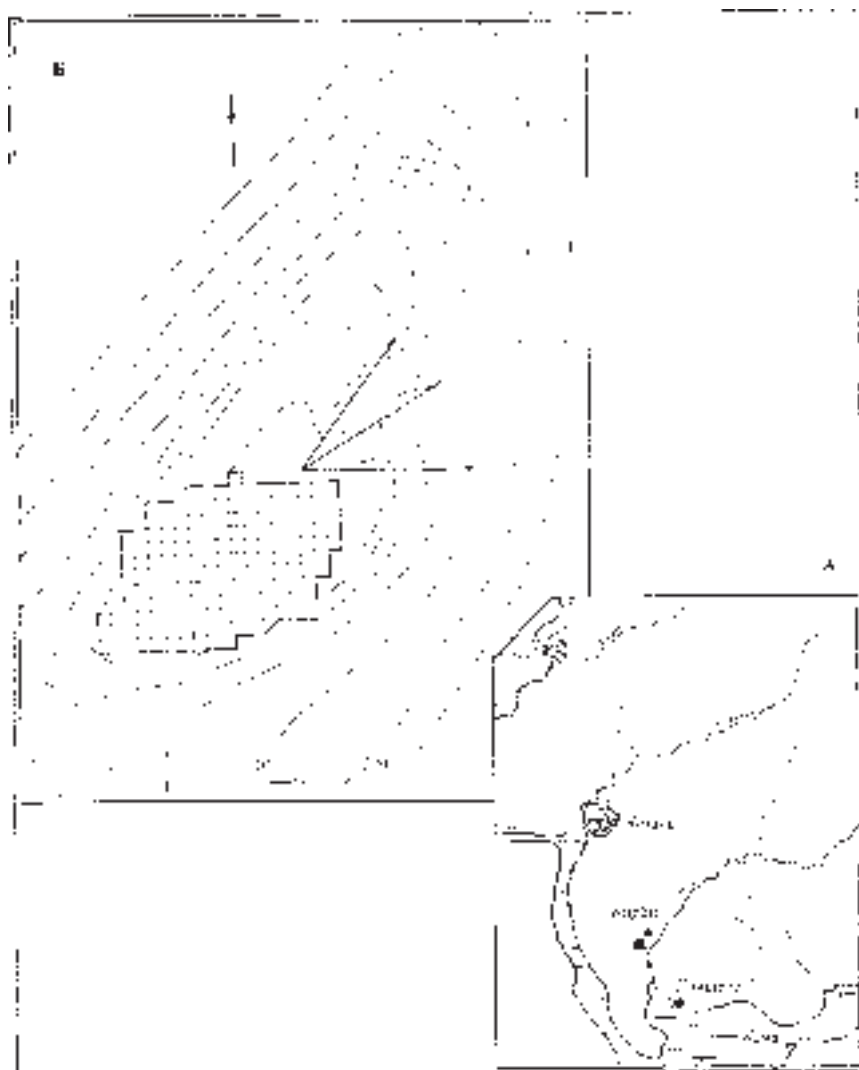

Рис. 1. Кирбинское городище.
А – местонахождение на географической карте,
Б – топографический план

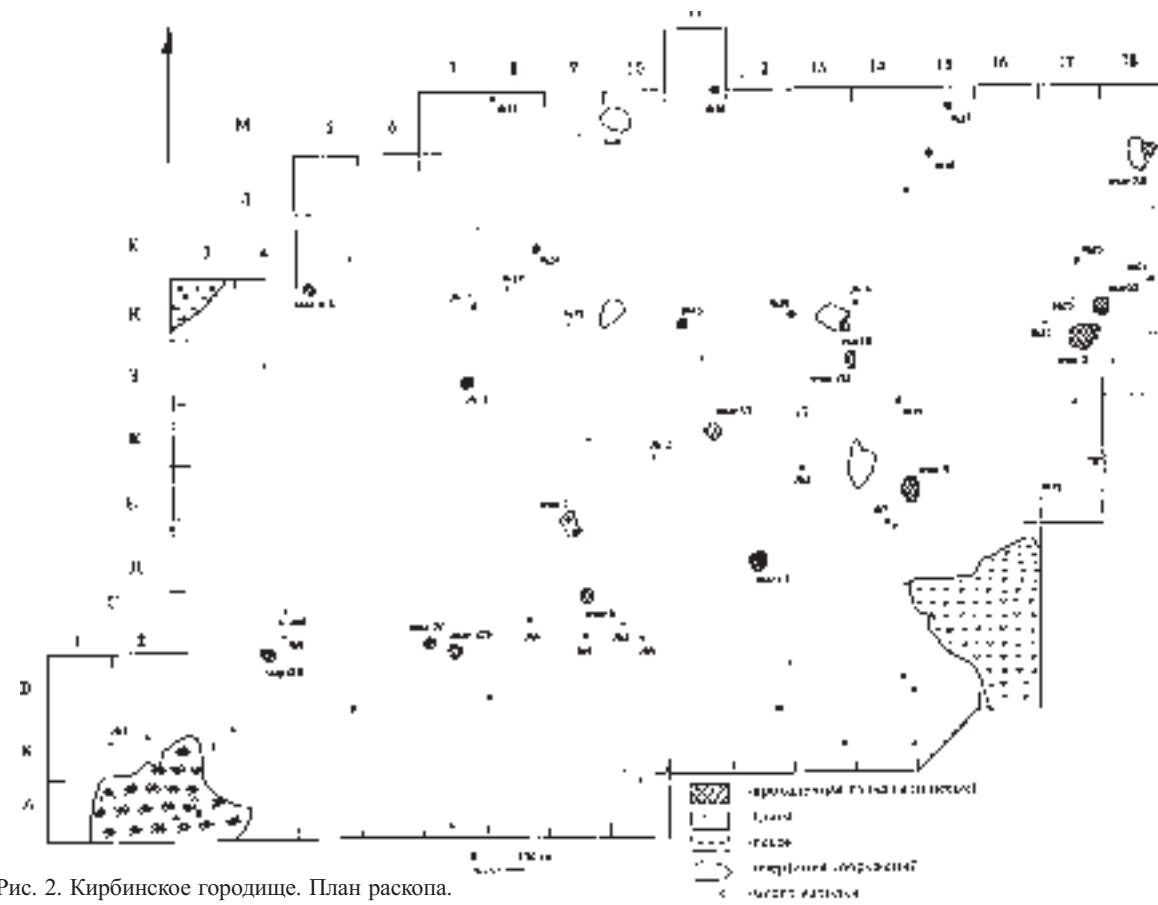
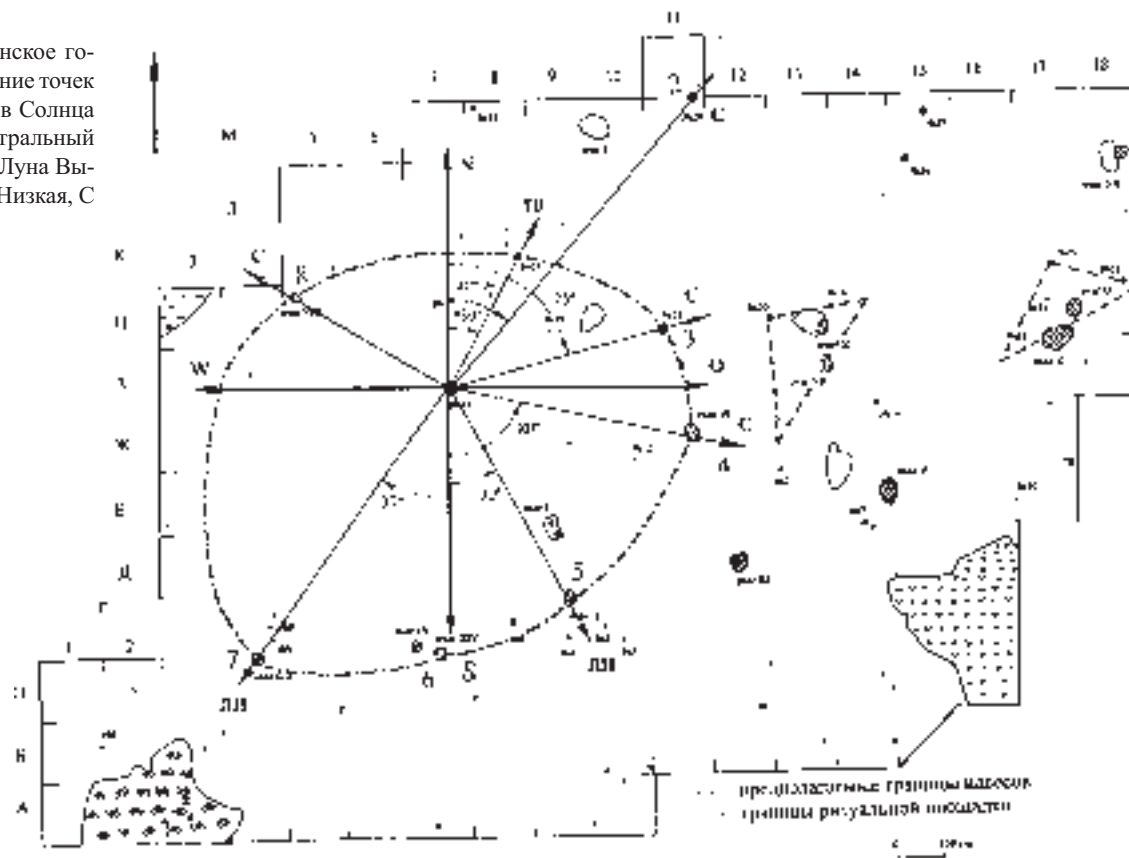

Рис. 2. Кирбинское городище. План раскопа.

Рис. 3. Кирбинское городище. Визирование точек восходов и заходов Солнца и Луны через центральный столб № 13. ЛВ – Луна Высокая, ЛН – Луна Низкая, С – Солнце.

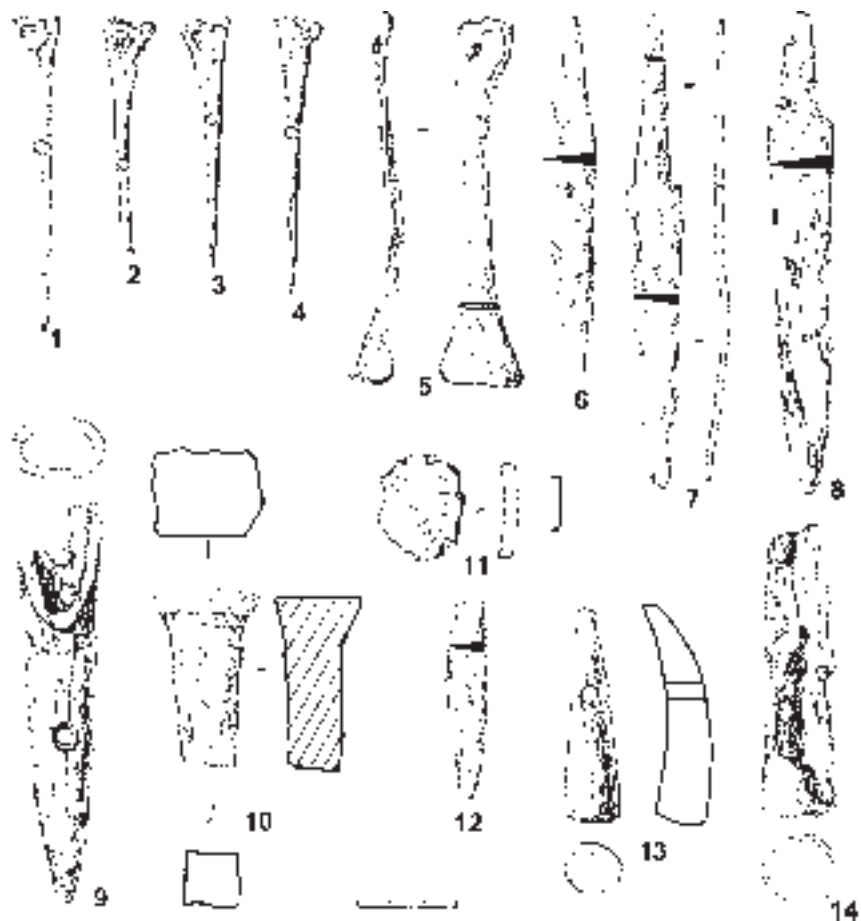

Рис. 5. Кирбинское городище. 1-4 – проколки, 5 – лопаточка-гладилка, 6-8, 12 – ножи, 11 – бляшка, 9, 13 – предметы из кости, 10 – наковаленка, 14 – втулка наконечника копья. 1-5, 9, 13 – кость, 6-8, 12, 14 – железо, 11 – медь.

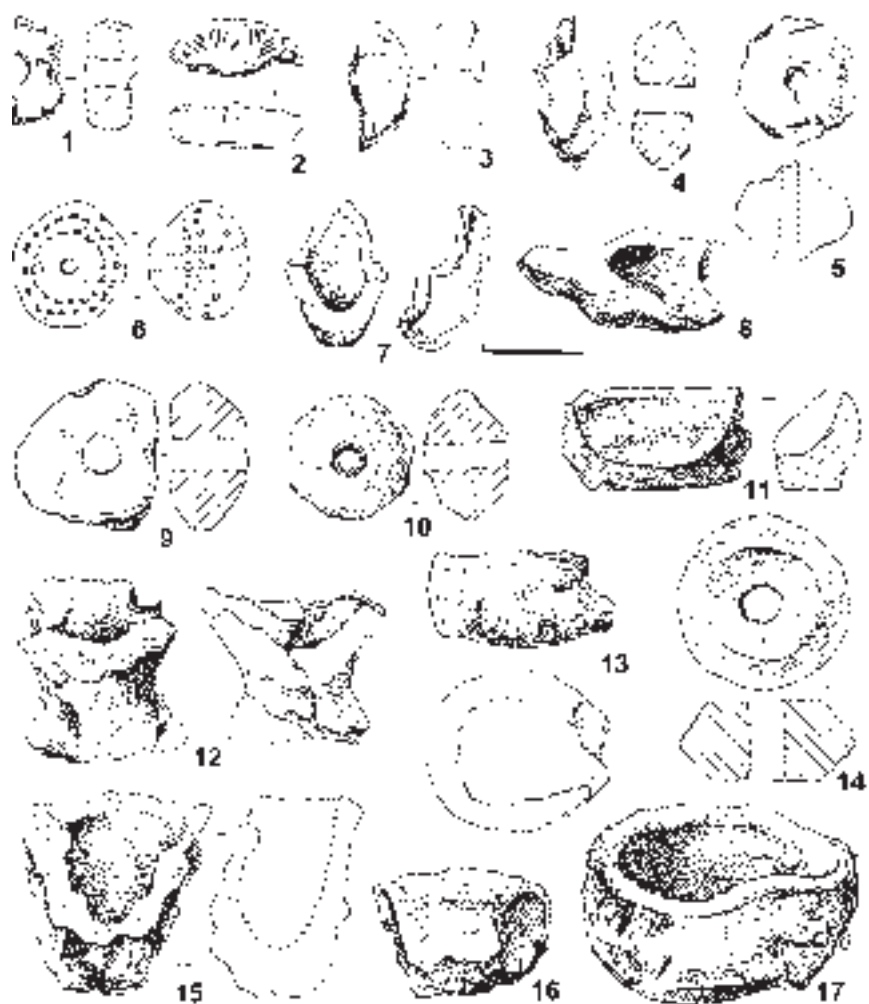

Рис. 6. Кирбинское городище. 1-6, 9, 10, 14 – пряслица, 8 – льячка, 11-13, 15-17 – тигли, 1, 2 – камень, 3-17 – глина.

Рис. 7. Кирбинское городище. Каменный инвентарь. 1-4 – песты, 5, 6, 8 – кремневые желваки, 7 – обломок нуклеуса, 9, 11 – обломки зернотерок, 10 – обломок жернова.

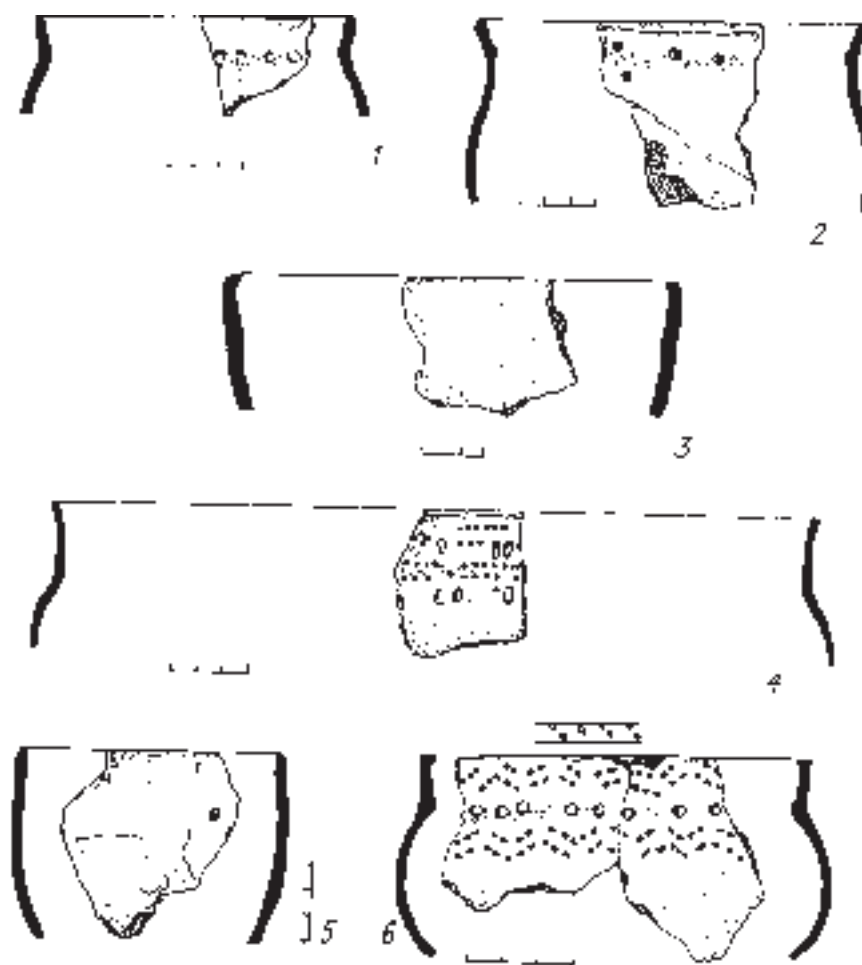

Рис. 8. Кирбинское городище. 1-6 – фрагменты сосудов ананьинской культуры и их реконструкция. 1, 2, 4 – горшковидные, 3, 5, 6 – чашеобразные.

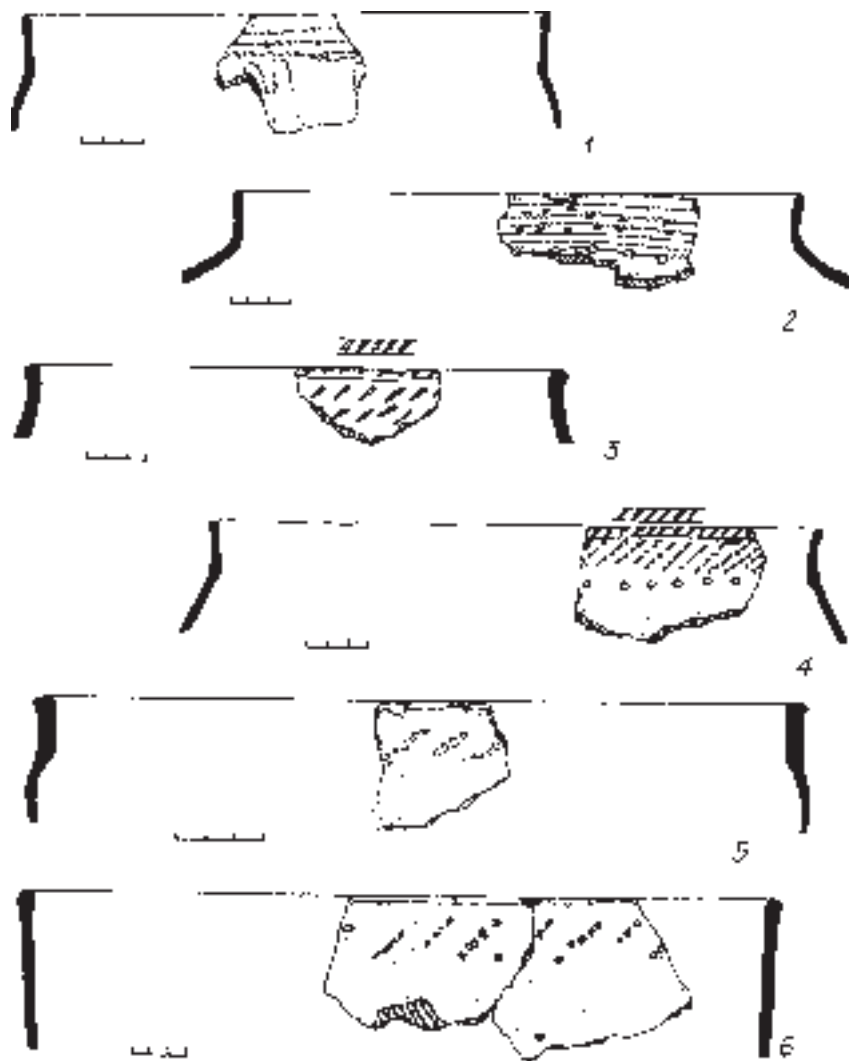

Рис. 9. Кирбинское городище. 1-6 – фрагменты сосудов ананьинской культуры и их реконструкция (все сосуды горшковидной формы).

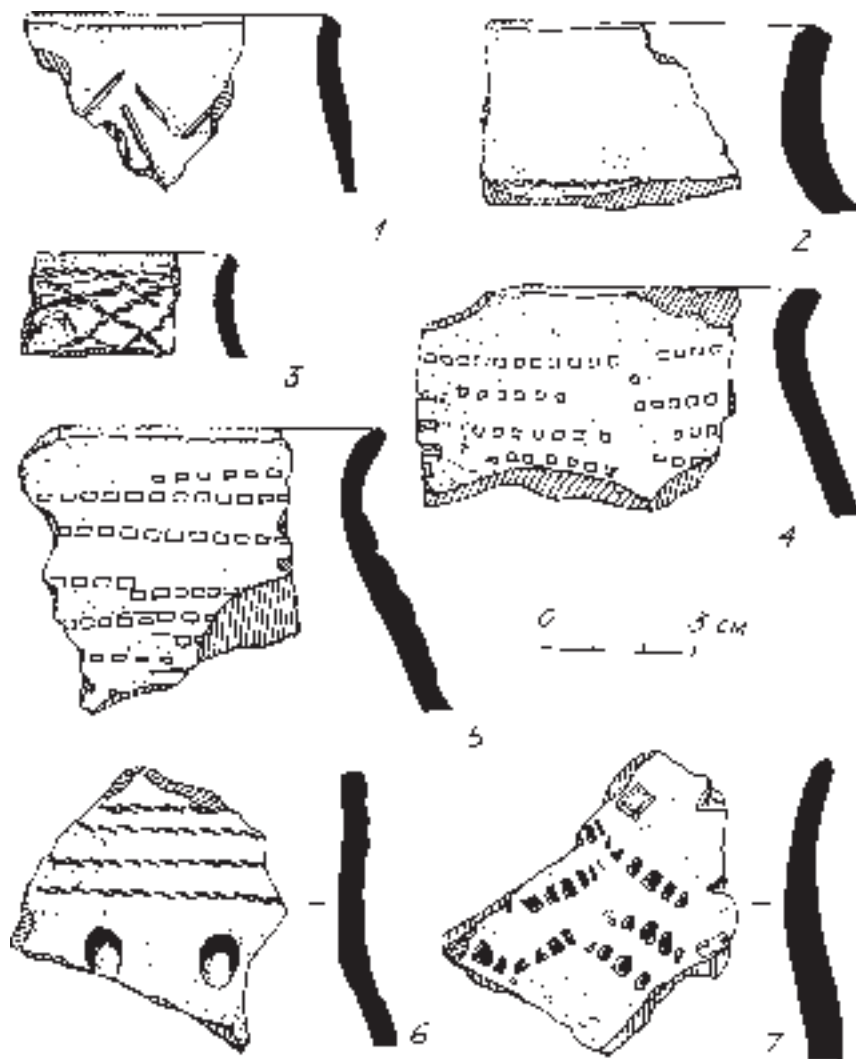

Рис. 10. Кирбинское городище. 1 – венчик сосуда эпохи бронзы, 2-7 – фрагменты сосудов ананьинской культуры (горшковидные сосуды).

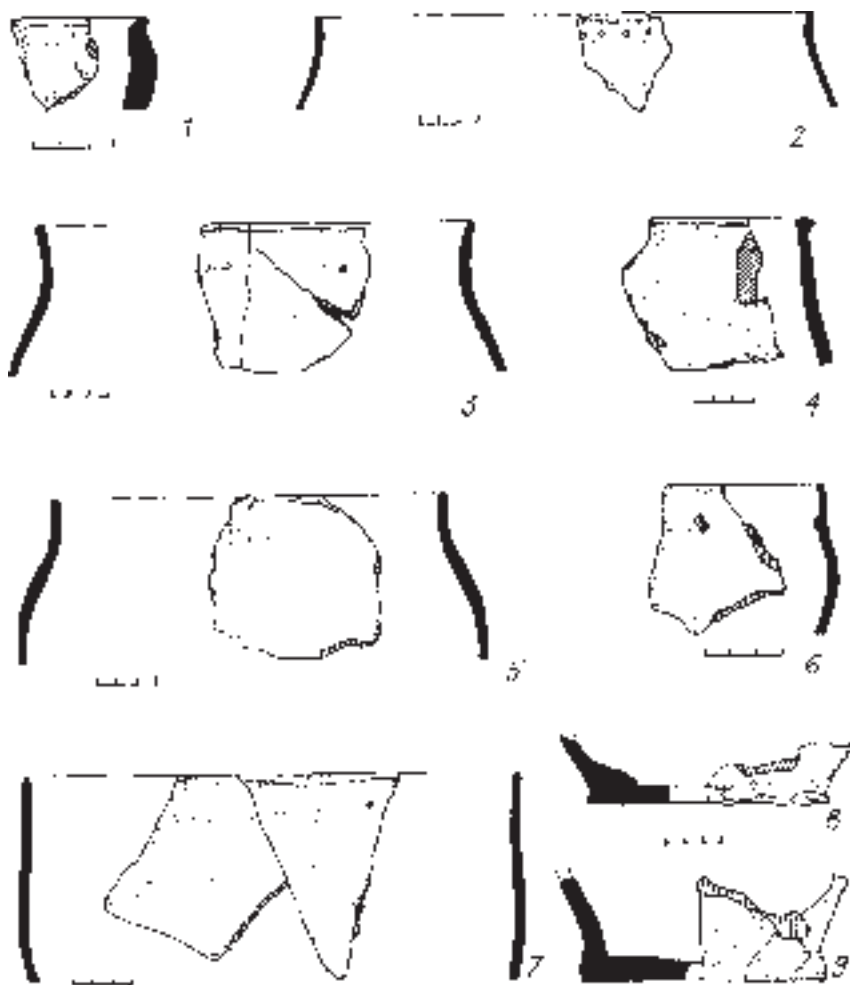

Рис. 11. Кирбинское городище. 1-7 – венчики сосудов и их реконструкция, 8, 9 – придонная часть сосудов. 4, 5, 7 – азелинская посуда, 1-3, 6, 8, 9 – именьковская посуда.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>

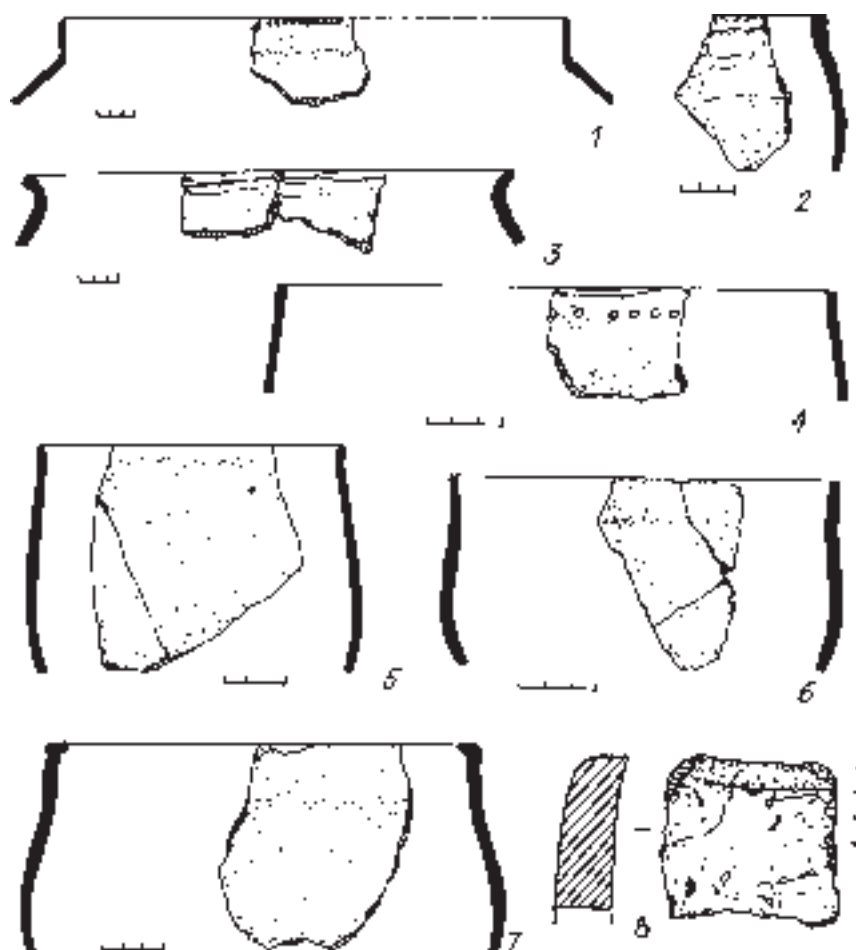

Рис. 12. Кирбинское городище. 1-8 – венчики сосудов и их реконструкция (сосуды именьковской культуры).

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>